

Прообразами героев известной повести Чингиза Айтматова «Джамилия» могли быть реальные люди

ПО СТРАНИЦАМ ЛЮБИМЫХ КНИГ

Немалое число наших современников выросло на великопепных повестях и романах выдающегося кыргызского писателя Чынгыза (по-казахски – Чингиса) Айтматова. Давно замечено, что сюжеты большинства его произведений охватывают и казахский, и кыргызский миры.

1958 год – время развенчания культа личности Сталина и «хрущевской оттепели». В журнале «Новый мир» выходит повесть «Джамилия», принесшая Чингизу Айтматову мировую известность. Но в Кыргызстане повесть вызвала неоднозначную реакцию в писательском сообществе: одни поддерживали ее, другие резко критиковали.

И в это время известный литератор и деятель французской компартии Луи Арагон называет «Джамилию» самой «красивой историей любви в мире». После Айтматов всегда подчеркивал, что именно Луи Арагон открыл ему путь в литературу. Так благодаря поддержке знаменитого французского поэта мир получил гениального писателя.

Знатки утверждают, что «Джамилия» стала известна Луи Арагону благодаря жене – французской писательнице и переводчице Эльзе Триоле, младшей сестре Лили Брик, которая умела предвидеть таланты, помогала им. Интересные люди тянулись к Лили Брик, она открыла двери Булата Окуджаву, помогала режиссеру Сергею Параджанову, оказавшемся под арестом, в ее доме балерина Майя Плисецкая познакомилась с будущим мужем – композитором Родионом Щедриным...

Лилия Брик хорошо знала молодого харизматичного председателя правительства Киргизской АССР Юсупа Абдрахманова, репрессированного в 1937 году. Существует также предположение, что Лилия Брик была знакома и с отцом Чингиза – красавцем, умницей и крупным партийным работником Кыргызстана Торекулом Айтматовым, с 1935 года учившемся в Институте красной профессуры в Москве. Возможно, она попросила сестру обратить внимание Луи Арагона на повесть, написанную сыном ее хорошего знакомого.

И свершилось чудо! Луи Арагон также находился в тесных отношениях с Мухтаром Ауэзовым. Народный писатель Кыргызстана Жунай Мавлянов позже вспоминал: «Бывший нашим почетным гостем Мухтар Ауэзов сразу же начал с Айтматова: «Сейчас ни в Средней Азии, ни в Казахстане, да и во всем Союзе нет равного Чингизу писателя. Вы знаете, что я член Комитета по ленинским и государственным премиям, и мне приходится читать немало разных хвалебных произведений. Но ни одно не может сравниться с «Джамилией!» Об этом, кстати, я не раз говорил. И так высоко, как мой французский друг Луи Арагон, Чингиза никто не оценил». Что тут сказать?

Сам Мухтар Ауэзов в 1930-е годы был активным членом движения «Алаш», подвергался репрессиям. Вполне вероятно, что он был знаком с Торекулом Айтматовым.

Чингиз Айтматов в книге-эссе «Исповедь на исходе века (Плч охотника над пропастью)» (2008) говорит: «Хорошо помню небольшую, но чрезвычайно добродетельную статью Ауэзова, опубликованную в «Литературной газете», едва «Джамилия» вышла в свет. Во то время я ощутил огромную ответственность перед своим наставником». Мухтар Ауэзов также горячо поздравил специальную телеграммой Айтматова с публикацией рассказа «Верблужий глаз». Мухтар Шаханов писал в той же

книге-эссе, что приемный сын Луи Арагона Жан Риста не раз говорил о том, что Луи Арагон до последних дней жизни считал Чингиза Айтматова ярким явлением XX века, всегда с огромным уважением вспоминал о нем.

Торекул Айтматов, будучи на учебе в Москве, поступил мудро, срочно переправив жену Нагиму и троих детей, в том числе и маленького Чингиза, в далекий кыргызский аил Шекер, находящийся рядом с аилом Бакайром. В Москве их неминуемо коснулись бы репрессии: Нагима могла бы отправиться в лагерь, дети – в специальные детские дома НКВД.

Нам обоим всегда доставляло огромную радость общение с книгами Чингиза Торекуловича Айтматова. В 2008 году Буркитбаю Аягану неожиданно позвонил выдающийся казахский поэт Мухтар Шаханов с предложением написать предисловие к совместному труду Чингиза Айтматова и его. В книге-эссе много личных воспоминаний. Чингиз Айтматов был открытвенен как никогда раньше. Внимательное прочтение текста дало нам возможность понять многое из личной жизни великого писателя.

Было замечено, что самые горькие страницы большинства произведений Айтматова подспудно посвящены отцу – талантливому и яркому человеку, невинно осужденному и расстрелянному в годы сталинских репрессий. Эта глубокая печаль, пронизанная уважением к простым людям, жертвам несправедливости, политических гонений, проходит красной нитью через все произведения писателя.

Можно найти параллели между реально жившими людьми и героями повести «Джамилия». Это жители айла Бакаир, станции Маймак, куда возили зерно главные герои произведения Данияр и Джамилия.

Есть один вопрос, который давно не дает покоя почитателям творчества Айтматова. Кто стал прообразом (прототипами) Джамилии и Данияра? И почему писатель не оставил об этом ни строчки? И, кажется, мы спустя 64 года находимся на пороге сенсационного открытия.

Конечно, на написание повести Айтматова могла подвигнуть прекрасная история любви Джужуэтты и Ромео великого Шекспира. Но сюжетные линии «Джамилии» развиваются по совершенно другим направлениям. Перечитывая «Исповедь юриста» патриарха кыргызской юридической науки, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки КР, почетного академика Национальной академии наук Кыргызской Республики Карпека Шамсединовича Курманова, невольно обращаешь внимание на одно важное свидетельство.

«Говора о моих самых близких родных, нельзя не упомянуть о семье Абукиных-Канатовых (Абукекеев), – пишет автор. – Моя тетя, родная сестра моего отца, Куласал, вторая по старшинству в семье родоначальника саяков Курмана Лепесова, была замужем за Карыпбаем – сыном Каната Абукина, вожда чоккорских сарыбагышей, провозглашенного в 1916 году на общенациональном курултае ханом всех кыргызов. Выборы состоялись на альтернативной основе, в них участвовали многие известные кыргызские правители. Но выбор собрания все-таки пал на взвешенного и мудрого вождя сарыбагышей Каната Абукина. И он оправдал этот выбор, не допустив уничтожения своего народа».

К слову, Карпек Курманов и Чингиз Айтматов учились в аспирантуре в Москве и были отчислены в

1953 году как дети «врагов народа». Вместе целую неделю на поезде они ехали домой, надеясь на месте разобраться в случившемся и вернуться к учебе. Но не получилось. Так и остались они во Фрунзе, а через пять лет имя Айтматова благодаря повести «Джамилия» прогремело на весь мир.

Академик Курманов впоследствии говорил, что не может припомнить, говорил ли Айтматову об истории своей эже, ведь после той печальной для обоих истории они ни разу не встречались. Хотя в 90-х годах они – один по линии науки, другой – литературы и СМИ – пробывали брешь в стене непризнания существования в СССР такой опасной социальной проблемы, как наркомания. Но вернемся снова к книге воспоминаний ученого-юриста Карпека Курманова:

«Куласал-эже прожила 97 лет (1894–1986). От брака с Карыпбаем у нее на содержание остались три его внучки от брака с первой женой – Джамилия, Абида и Батый, которых она воспитала как своих родных дочерей. В период сталинских репрессий семья, чтобы выжить и сохранить потомство, разбредлась по своим родственникам... Хозяйство хана было отобрано и разорено, трудоустроиться было нгде, да и не давали возможности. Дети, по существу, были брошены на произвол судьбы...

Куласал-эже почти ничего не рассказывала о своей трагической жизни, на переломе которой, при установлении советской власти, она потеряла почти всех своих родных и близких – отца, братьев, свою молодость и любовь! Но мне все-таки по крупицам удалось восстановить истину.

Семья Канатовых и Курмановых были репрессированы в годы «Уркуна» и советской власти. Взяв детей, Куласал-эже ушла к своим братьям и сестрам (еще был жив мой отец Шамседин и его младший брат Кемель), вырастила своих дочерей (одну из которых, обратите внимание, звали Джамилия! – Авт.).

Несмотря на несправедливость и жестокость новой власти, она не озлобилась, стоически переносила выпавшие муки и осталась добрейшим, мудрым и чутким человеком, дававшим людям надежду, свет и тепло. Аристократку ханских кровей в ней можно было увидеть издалека по ее стройной стати, точеному лицу с прямым римским носом и большим мягким и глубоким глазам, утонченному степному шарму, благородным манерам, умению вести негромкие беседы с людьми любого ранга.

Я ни разу не слышал, чтобы Куласал-эже повысила голос. Вообще!!! Когда она гневалась, ее речь становилась еще тише. И каждое слово колоколом разносилось в мгновенно затихшей компании людей. Эти «царственные» черты она передала своим дочерям – Джамиле, Абиде, Батый и внукам».

«Эже, как я помню, – продолжает Карпек Курманов, – жила во Фрунзе на улице Набережной в большом и ухоженном доме с красивыми деревянными ставнями, принадлежавшем отцу-основателю кыргызской государственности Абыдырмуну Сыдыкову. Он тоже был репрессирован. В этом доме в одной комнате жила его жена Зейнеп с тремя детьми, очень красивая и добрая женщина. Вторую половину дома занимал тесть Сыдыкова – Сейдахмет Чукин... Семьи Курмановых и Сыдыковых были очень дружны, они состояли в одной партии «Алаш», сыновья деда – Султан и Зайнидун были верными друзьями и единомышленниками Абыдырима Сыдыкова, поддерживали друг друга и погибли почти одновременно, обвиненные в создании «контрреволю-

ционной Социал-Туранской партии».

После скоростижной смерти дяди Кемеля в 1964 году дядя Тугельбай частенько бывал дома у Куласал-эже, они вели долгие беседы. Куласал-эже стала прототипом героини его известного романа «Зайыптар» («Женщины»), изданного в 1962–1966 годах. В книге героиню звали Айгуль, она бросила вызов патриархальным традициям кыргызского общества. Выданная замуж без любви, Айгуль уходит к любимому мужчине. Мать Айгуль в романе звали Гульгакы (нашу бабушку – Гулькан).

Это была невыдуманная история, которая случилась с моей эже в ранней молодости. Ее выдали замуж за сына другого верховного саякского вождя Кокумбая, но она бросила его и ушла к Карыпбаю Канатову, став его второй женой. Однако нормальную жизнь и право на семью у нее отняла советская власть, которая затаскала любимого мужа по тюрьмам и лагерям, где он провел в общей сложности больше тридцати лет».

И здесь хотелось бы обратить внимание на мужа Куласал – Карыпбая Канатова, который, по нашему мнению, мог стать прообразом айтматовского Данияра, демобилизованного по ранению солдата-фронтовика, имевшего казахские корни. Возможно, это было связано с членством Карыпбая в молодости в партии «Алаш». Ее в 1905 году образовали казахские интеллектуалы Букейханов, Байтурсынов, Дулатов, к которым позднее присоединилась и кыргызская интеллектуальная часть общества – Сыдыковы, Арабаев, Айдарбеков, Абукины-Канатовы, Тельтаев, Курмановы-Лепесовы, Мураталины и многие другие. Канат Абукин, его брат Касым и сын Карыпбай Канатов были активными членами кыргызского отделения партии «Алаш».

Так кыргыз, алашовец Карыпбай Канатов превратился в казахского парня Данияра. Отсюда становится понятным и молчание Чингиза Айтматова в условиях сурового идеологического классового государства, которым был Советский Союз.

А может быть, казахская тема навевалась и тем, что Карыпбай отбывал наказание далеко от родины – сначала в Узбекистане, а затем в Половжье, куда можно было добраться через широкие степи Казахстана... Такая мера применялась в отношении только влиятельных маналов и у кыргызов, и у казахов. Далеко от родных мест они были не так опасны, как дома, где их власть и влияние основывались на тесных родственных отношениях.

Карыпбай Канатов 17 мая 1933 года был арестован в селе Кара-Су Узбекской ССР и осужден к пяти годам исправора. В 1937-м вышел на свободу, а 6 июня 1941-го его снова арестовывают во Фрунзе «за анти-советскую пропаганду». 15 декабря 1941 года его, 70-летнего старика, приговорили к расстрелу, замененному на 10 лет лагерей с поражением в правах на 5 лет. Из заключения он вышел только в 1954-м, а через год умер.

А Куласал Лепесова единственная из семьи дожила до глубокой старости. Она умерла в 1987-м в 97-летнем возрасте. Пожила за все непростые жизни своих близких и родных. Вот так под предлогом борьбы с «буржуазными националистами» было под корень выведено целое аристократическое родовое древо Лепесовых (Курмановых).

По всей вероятности, Куласал могла стать героиней этой повести. Айтматов тоже мог знать Куласал-эже и историю его печальной любви с Карыпбаем Канатовым, ведь он не мог не общаться с Т. Сыдыкбековым

(1912–1997) – патриархом кыргызской литературы, впоследствии лауреатом Сталинской премии, Героем Кыргызстана, который мог рассказать о судьбе своей сестры и жезде. Но дочь крупного манала не совсем подходила под образ кыргызской полетарской героини, какой в повести изображается Джамилия.

Не беремся найти прообразы других героев повести. Например, Садыка – мужа Джамилии, Сеита, от имени которого идет повествование. Последний, скорее всего, это сам Чингиз Айтматов. Обратим внимание лишь на то, что Карпек Курманов как очевидец многих событий того времени полагает, что Куласал могла быть прообразом айтматовской Джамилии. И здесь требуются некоторые пояснения.

Действительно, пример Куласал Лепесовой был редчайшим в традиционном обществе, каковым был Кыргызстан в начале XX века. И мог стать источником для литературного вдохновения молодого Айтматова.

История любви Куласал и Карыпбая для переломной эпохи 20–30-х годов, когда начали рушиться прежние устои, была далеко неординарным событием. Сознание людей меняется слишком медленно, быстро меняются только технологии. В советское время имущие люди априори считались «угнетателями» и «классовыми врагами» трудящихся, поэтому никак не могли стать положительными литературными героями.

Позтому Джамилия в повести Айтматова изображена крестьянкой-колхозницей, выданной замуж за деревенского парня Садыка, служившего в советской армии, защитника родины от гитлеровских агрессоров, а Данияр – демобилизованным с фронта по ранению, прибывшим откуда-то из казахских степей.

По воспоминаниям казашки Капаш Бийменовой, бежавшей с родины в годы голодомора в 1931–1932-м и оставшейся навсегда в Кыргызстане, родной бабушки одного из авторов настоящей статьи, жители айла Бакаир ничего не знали и не слышали об истории любви Джамилии и Данияра. Горный аил Бакаир, упоминаемый в повести, расположен по соседству с родовым аилом Айтматовых – Шекер. Может быть, поэтому Айтматов включил тот аул в повесть как место рождения Джамилии. А сами события повести развиваются в кыргызском аиле возле железнодорожной станции Маймак, куда они возили на бычках зерно.

Друг детства Айтматова – Сейталы Бекмамбетов так вспоминал про военные годы: «Однажды правление колхоза из всех ребят выбрало нас с Чингизом и отправило в Маймак. Наполнив подводы огромными мешками с зерном, мы каждый день возили зерно на станцию на медлительных, ленивых волах, которых подобрить можно было только плетью... Большую часть мешки эти люди тащили волоком, едва карабаясь по доскам трапа, проложженным поверх горы зерна... На обратном пути на каменистой дороге мы устраивали гонки... Перекусив нехитрой снечью, мы приободрялись и даже начинали петь».

Точно так же, словно из биографии Айтматова, эти места описаны в «Джамиле». На полученные деньги молодые люди покупали гимнастерки, кожаные ремни и всякую мелочь.

Интересен и образ Данияра, имевшего корни в казахских степях. Постоянная печаль и тревога, на которые обращает внимание автор повести, как бы говорит о его глубокой озлобенности, напряжении, что было характерно для тех, кто пережил репрессии или ожидает нечто подобное. А участники движения

«Алаш» как в Казахстане, так и в Кыргызстане были поголовно уничтожены в 30–40-е годы. В живых остались единицы, среди которых были Мухтар Ауэзов и Касымбай Тельтаев. Вспомним также, что и муж Куласал – Карыпбай Канатов был членом кыргызского филиала казахстанской партии и подвергся ужасным и длительным гонениям.

Чингиз Айтматов постоянно акцентирует внимание на «казахскости» окружения. Например, определение «казахские степи», словосочетание «с кыргызской стороны», «казахско-кыргызская речь» Данияра, его происхождения. В конце повести Джамилия и Данияр уходят в «казахскую сторону». Думается, эти сюжетные линии были выстроены неспроста, они подчеркивают политический подтекст случившегося.

Полагаем, что художественный замысел автора в данном случае вполне оправдан и уместен, так как Джамилия для него была также собирательным образом. Чингиз Айтматов видел свою мать Нагиму, страдавшуюся от политики массовых репрессий, в результате которой семья потеряла любимого отца и мужа, и ему важно было показать в Джамиле силу любви и женской отваги, которую проявила Нагима. Об этом тоже нельзя забывать.

В повести явственно ощущается политический подтекст. Это продолжение айтматовских идей борьбы с несправедливостью, сталинскими репрессиями и манкуртизмом, которые найдет полное выражение в перестроенных и более поздних трудах Чингиза Айтматова, в частности, в его романе «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»), а также других произведений. И в них вновь ярко слышны казахские мотивы и сюжеты.

Думается, что Чингиз Айтматов в зашифрованном виде, а иначе он и не мог писать тогда, указывает на неразрывную связь происходящих событий. Это был своеобразный «эзопов язык» советских писателей, которые при соблюдении внешних форм социализма сообщали читателям нечто большее, чем простое изложение сюжета.

Что еще можно добавить? В отличие от героев Айтматова, ушедших в конце повести вместе в неизвестность навстречу своей любви, судьба реальных людей была печальна и незавидна. Жизнь и любовь красавицы Куласал были полностью разрушены, погибли почти все ее родные и близкие, на руках остались три дочери репрессированного мужа, которым пришлось ставить на ноги.

Прототип Данияра – Карыпбай в юности часто бывал в Казахстане, он был осужден трижды. Последний раз его судили в 1941 году и приговорили к расстрелу. Но он остался жив, более тридцати лет провел в ГУЛАГе и вышел на свободу глубоким стариком.

Мальчик, от имени которого ведется рассказ, был самим Чингизом Айтматовым, и поэтому «Джамилия» в какой-то мере автобиографическое произведение. В заключение можно сказать, что печальный секрет, который Айтматов скрывал от всех, наконец-то раскрыт. А нами сделан новый шаг в развитии айтматоведения и истории братских кыргызско-казахских отношений.

Зайнидин Курманов, доктор исторических наук, профессор (Кыргызстан), Буркитбай Аяган, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

Kazpravda.kz

Телефоны рекламной службы: 75-18-85, 87772397682

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

ТОО «Нивы Чапаев», в соответствии с Законом РК от 22 апреля 1998 года № 220-І «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2021 г.) и уставом товарищества извещает о проведении внеочередного общего собрания участников товарищества, которое состоится в 10.00 28 октября 2022 года.

Регистрация участников производится по адресу: ВКО, район Алтай, с. Чапаево.

Повестка дня собрания:

1. Предоставление движимого имущества ТОО «Нивы Чапаев» с правом внесудебной реализации в залог ТОО «Кредитное товарищество «Зырянковское» и АО «Аграрная кредитная корпорация».

2. Предоставление согласия ТОО «Нивы Чапаев» на рассмотрение всех споров, разногласий и требований, возникающих из договоров о предоставлении займа/обеспечения и связанных с ними отношений, как в государственном суде, в соответствии с требованиями ГПК РК, так и в ТОО «Арбитраж Алматы».

3. Наделение полномочиями директора ТОО «Нивы Чапаево» на подписание договоров залога, дополнительных соглашений и иных документов, необходимых для предоставления залогового имущества от имени ТОО «Нивы Чапаево».

Порядок проведения собрания ТОО регламентируется ст. 47 Закона РК от 22 апреля 1998 года № 220-І «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью». Собрание проводится очно.

ИЩЕМ НАСЛЕДНИКОВ

■ После смерти **Прохорова Виталия Григорьевича**, умершего 27.08.2022 г., открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться до 27.02.2023 г. к нотариусу Переваловой И. Ф. по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, пр. Назарбаева, 27, тел. 61-93-68.

■ После смерти **Смирнова Андрея Николаевича**, умершего 11.09.2022 г., проживавшего по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, ул. Потанина, 31-59, открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться в течение одного месяца со дня опубликования объявления к нотариусу Касенжаровой К. А. по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, ул. Бурова, 16, тел. 8-705-549-49-20.

■ После смерти **Сурмач Николая Ивановича**, умершего 31.03.2022 г., проживавшего по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, ул. Бурова, 25/2-50, открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться к нотариусу Касенжаровой К. А. по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, ул. Бурова, 16, тел. 8-705-549-49-20.

■ После смерти **Романова Анатолия Петровича**, умершего 27.03.2022 г., открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться до 15.10.2022 г. к нотариусу Тыль И. А. по адресу: г. Усть-Каменогорск, ул. Астана, 4, тел. 76-65-98.

■ После смерти **Ильченко Вячеслава Анатольевича**, умершего 10.04.2012 г., открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться в течение одного месяца со дня опубликования объяв-

ления к нотариусу Тыль И. А. по адресу: г. Усть-Каменогорск, ул. Астана, 4, тел. 76-65-98.

■ После смерти **Машенского Владимира Борисовича**, умершего 15.09.2022 г., проживавшего по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, ул. Протожанова, 107-32, открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться к нотариусу Бидельмановой Ж. С. по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, пр. Ауэзова, 16, тел. 25-41-03.

■ После смерти **Ляпуновой Евгении Николаевны**, умершей 10.07.2022 г., открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться к нотариусу Жумагулову О. К. по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, ул. Кабанбай батыра, 97/2, 2 этаж, офис 207 за ТЦ «Котон», тел. 24-25-70.

■ После смерти **Устинова Григория Николаевича**, умершего 16.04.2022 г., открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться до 16.10.2022 г. к нотариусу Танабаевой А. М. по адресу: ВКО, п. К. Кайсенова, ул. З. Ахметова, 6, оф. 1, тел.8-7233-82-76-79, 8-705-159-00-59.

■ После смерти **Поситниченко Натали Михайловны**, умершей 21.12.2018 г., открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться в течение одного месяца со дня опубликования объявления к нотариусу Чапкантаевой Г. М. по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, пр. Сатпаева, 8, тел. 8 (7232) 414-000.

■ После смерти **Александрова Анатолия Николаевича**, умершего 22.07.2022 г., открылось наследство. Наследникам и заинтересованным лицам обращаться до 22.01.2023 г. к нотариусу Ивасенко С. А. по адресу: ВКО, г. Усть-Каменогорск, ул. Казахстан, 31-3.

СЧИТАТЬ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Удостоверение личности № 017223079, выданное МО РК 19.05.2005 г. на имя **Куренковой Елены Геннадьевны**, 18.02.1960 г.р.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

ТОО «Мойылды-Байконур», в соответствии с Законом РК от 22 апреля 1998 года № 220-І «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2021 г.) и уставом товарищества извещает о проведении внеочередного общего собрания участников товарищества, которое состоится в 10.00 28 октября 2022 года.

Регистрация участников производится по адресу: ВКО, район Алтай, г. Алтай, ул. Бочарникова, 18/1.

Повестка дня собрания:

1. Предоставление движимого имущества ТОО «Мойылды-Байконур» с правом внесудебной реализации в залог ТОО «Кредитное товарищество «Зырянковское» и АО «Аграрная кредитная корпорация».

2. Предоставление согласия ТОО «Мойылды-Байконур» на рассмотрение всех споров, разногласий и требований, возникающих из договоров о предоставлении займа/обеспечения и связанных с ними отношений, как в государственном суде, в соответствии с требованиями ГПК РК, так и в ТОО «Арбитраж Алматы».

3. Наделение полномочиями директора ТОО «Мойылды-Байконур» на подписание договоров залога, дополнительных соглашений и иных документов, необходимых для предоставления залогового имущества от имени ТОО «Мойылды-Байконур».

Порядок проведения собрания ТОО регламентируется ст. 47 Закона РК от 22 апреля 1998 года № 220-І «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью». Собрание проводится очно.